

Курячая Евгения Игоревна

ПОЛНОТА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА ИГРОВОГО ТЕКСТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/31.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-84. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Единицы рассматривают ТРУД как КАЧЕСТВЕННЫЙ, НУЖНЫЙ, ЛЁГКИЙ. Всё это свидетельствует о том, что сегодняшние ученики осознают необходимость трудиться («без труда ничего в жизни не добьёшь», «это главное в жизни»), понимая, что не всегда это может быть лёгкая работа.

Великий знаток русского языка М. А. Шолохов отмечал: «Их (пословиц) тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях они перелетают из века в век, от одного поколения к другому...» Какие же пословицы и поговорки о труде известны учащимся 6-7 классов?

Наиболее популярно в школьной среде выражение «Без труда не выловишь рыбку из пруда» (его назвали более половины опрошенных). На втором месте пословица «Труд человека кормит, а лень портит» (37%), достойное третье место - «Терпение и труд - всё перетрут» (огорчило, что многие респонденты не совсем точно знают, как звучит эта пословица; они заменяли слово «терпение» такими единицами, как «старание», «упорство», «работа»). Поскольку для многих ТРУД - это учёба, то среди ответов есть утверждение «Ученье - свет, а не учёне - тьма». Знакомы ребятам и такие пословицы, как «Делу время, а потехе час», «Сделал дело - гуляй смело». По одному человеку указали «Что посеешь, то и пожнёшь», «Кто не работает, тот не ест», «Работа - не волк, в лес не убежит».

Нам было интересно, как понимают смысл поговорок ученики. Объясняя пословицу «Труд человека кормит, а лень портит», испытуемые писали: «Чтобы чего-то добиться, надо прилагать усилия; если человек работает, он получает от жизни всё, а если нет - ничего; если будешь много лениться, то заработаешь мало денег и не сможешь себя чем-то побаловать; с ленью ничего нельзя добиться, а с помощью труда люди во все времена могли себя прокормить; того, кто ленится - ненавидят, а кто трудится - уважают; не будешь трудиться - умрёшь с голоду, не будет возможности оплачивать счета; лень делает человека толстым и малообразованным; с ленью ничего нельзя достичь; будешь лодырничать - ничего не будешь уметь и наоборот; лень - это когда человек валяется на диване и смотрит телевизор, он не умеет трудиться и зарабатывать деньги; трудясь, человек развивается, а когда ничего не делает - проводит время впустую; труд сделал из обезьяны человека; если люди перестанут трудиться, то не будет жизни на земле; когда человек трудится, то он получает необходимые средства для своего существования; если научишься трудиться, то сможешь жить в этом мире».

При описании ситуации использования выражения «Что посеешь, то и пожнёшь» наиболее частотными оказались следующие ответы: «Когда делаешь людям зло, оно к тебе обязательно вернётся; когда родители не занимаются детьми, они вырастают плохими и непослушными; когда родители говорят детям про их учёбу, или другими словами: «Как будешь стараться, такие и будут оценки»; когда речь идет об ответе за свои поступки, об отношении к другим людям («как ты к ним, так и они к тебе»); когда человек хочет сделать необдуманные шаги».

Анализ лексикографического материала, данные ассоциативного психолингвистического эксперимента и исследование понятия ТРУД в пословицах и поговорках позволяют говорить о том, что в сознании носителей языка сохраняются глубинные этимологические значения, представляющие слово ТРУД.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995.
2. **Пословицы русского народа:** сборник В. Даля. М., 1957.

УДК 82.03

Евгения Игоревна Курячая

ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

ПОЛНОТА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА ИГРОВОГО ТЕКСТА[©]

Несмотря на солидную доказательную базу тезиса о потенциальной переводимости любого текстового материала, вопрос о возможности//невозможности//адекватности//полноте воссоздания игровых текстов на языке перевода не теряет своей остроты и актуальности, по-прежнему вызывая много споров. Это связано с постепенным усложнением стилистико-синтаксической организации текста, отступлением или отказом от соблюдения принятых правил употребления и сочетаемости различных слов и выражений, разрушением сюжетно-композиционной структуры, введением в текст огромного количества аллюзий, реминисценций, всеобъемлющей языковой игры (деформация слов, создание окказионализмов, фразеологическая игра, обыгрывание полисемии и омонимии и т.д.).

В результате произведение превращается из логично выстроенного языкового материала в поле индивидуальных лингвистических экспериментов автора. При переводе таких текстов возрастает вероятность различных коммуникативных сбоев, поскольку экспериментальный, игровой текст представляет собой сложную игровую систему, «все элементы размещаются в нем с изначально подразумеваемой сверхзадачей работать на игру с читателем» [3].

Этим объясняется необходимость разработки особого подхода к переводу игрового текста и критериям его оценки. Речь идет, прежде всего, о системе допереводческой интерпретации текста оригинала, предполагающей выявление когнитивной доминанты идиостиля и системы концептуальных моделей, раскрывающих особенности мировоззрения автора.

Рассмотрим это на примере романа Б. Виана «Пена дней», представляющего собой сложную игровую систему, формируемую тремя основными игровыми полями: фантастическая реальность, система мировосприятия автора и широкомасштабная языковая игра. Модифицируя язык, Б. Виан выходит далеко за пределы языковой игры как чисто лингвистического факта [7, с. 38], так как язык становится для него воплощением шаблонизированного мира готовых идей и стереотипов (нашей реальности), который блокирует возможность внутреннего духовного роста человека и его самореализации, разрушает индивидуальность. Поскольку индивидуально-авторские концептуальные модели выступают прежде всего как «элемент когнитивной системы автора, определяющий его жизненную и творческую доминанту» [1, с. 125], можно поставить вопрос о когнитивной доминанте идиостиля Б. Виана.

Когнитивная доминанта идиостиля писателя понимается нами как ментальная установка, представленная комплексом доминантных смыслов, которые могут образовывать концептуальные модели, транслирующие систему мировоззрения автора и определяющие композиционную, стилистическую и прагматическую организацию художественного текста. Именно эти смыслы задают направление интерпретации и определяют выбор и организацию языковых средств, т.е. являются внутренним стержнем художественного произведения, обеспечивают его связность и цельность, «усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал, способствуют восприятию текста как определенного единства» [5, с. 110].

Наиболее эффективным способом моделирования иного мира, отражения игрового восприятия действительности и одновременно выражения протеста против мира, загнанного в жесткие рамки шаблонов, для Б. Виана становится модификация языковой системы путем систематического отступления от общепринятых правил. Соответственно, когнитивной доминантой идиостиля Б. Виана является установка на разрушение стандарта в жизни вообще и в языке в частности через моделирование игрового текстового пространства путем разрушения или трансформации уже существующих языковых единиц и правил

Когнитивная доминанта репрезентируется «системой кодов и субкодов художественного текста», по терминологии Н. С. Болотновой [2, с. 133]. Для наглядности эти рассуждения можно представить в следующей схеме:

КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА
репрезентируется через
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
(доминантные смыслы),
представленные в
СИСТЕМЕ КОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА,
в которой выделяются
СМЫСЛОВОЙ КОД
(и субкоды) и
ЯЗЫКОВОЙ КОД
(языковая репрезентация доминантных смыслов).

Известно, что степень сложности, непереводаемости текстового материала прямо пропорциональна художественной ценности текста перевода [4], поэтому перевод представляет собой качественно новую ступень развития оригинала, позволяющую ему существовать, развиваться и приобретать новые смыслы, а значит, выбор одного из вариантов перевода как лучшего может быть только субъективным. Поэтому для оценки качества перевода игрового текста целесообразно выбрать особый критерий, который мы выделяем на основе представленной схемы.

Языковой код является основой интерпретации текста, поскольку именно специфика выбора, формы, последовательности языковых единиц формирует смысловой код и транслирует когнитивную доминанту. Соответственно, для сопоставления вариантов перевода оригинального текста необходимо выбрать наиболее репрезентативные средства вербализации когнитивной доминанты идиостиля. В нашем случае это окказиональные слова и трансформированные фразеологизмы, поскольку именно в этих видах языковой деятельности наиболее полно проявляется диалектика разрушения/созидания (разрушение шаблонов в языке и в жизни / формирование новой реальности) как неотъемлемая составляющая процесса отклонения от стандарта (когнитивная доминанта).

Таким образом, анализ перевода именно этих двух групп языковых единиц позволяет наиболее точно выявить различия между двумя вариантами перевода (Л. Лунгиной и В. Лапицкого) и сделать вывод о двух противоположных стратегиях. Стратегия *Л. Лунгиной* ориентирована на текст перевода и на читателя, специфику его ассоциативно-образной системы, это *стратегия одомашнивания*. Стратегия *В. Лапицкого* направлена на текст-источник, т.е. на автора, специфику оригинала, это *стратегия острания* [6, с. 202].

Для *Л. Лунгиной* приоритетное значение имеет принимающая культура, русский читатель, поэтому она рассматривает текст оригинала прежде всего как определенное сообщение, создаваемое автором для читателя. Соответственно, первостепенной задачей становится максимально точная передача прагматического эффекта и смысловых оттенков, создаваемых языковой игрой, что обуславливает отказ от передачи фонетических особенностей языковой игры оригинала, замену образа, создаваемого языковой единицей оригинала, создание окказиональной единицы как эквивалента узуальной, входящей в определенный контекст, в котором присутствуют другие окказиональные единицы, или тематическую группу. Факты языковой игры, комплекс языковых и смысловых особенностей которых оказывается недоступным для трансляции в тексте перевода, заменяются узуальными, стилистически нейтральными словами и выражениями. В результате происходит замена комплекса ассоциативных связей, актуальных для французского языка, на комплекс для русского языка, модификация авторского образа, что задает определенное направление интерпретации читателем в рамках предлагаемого варианта перевода.

Следовательно, текст перевода Л. Лунгиной обеспечивает понимание читателем большинства фактов языковой игры и адекватную реакцию на нее, однако он значительно отдалается от индивидуальной стилистики автора. Трансформация оригинала в этом случае обуславливается не только объективными факторами (преодоление языковых и культурных различий, приводящее к закономерным изменениям и неизбежным потерям), но и субъективными - сознательное изменение, нивелирование языковых особенностей текста оригинала с целью его приближения к принимающей культуре.

Переводческая стратегия *В. Лапицкого*, ориентированная на автора, текст-источник, предполагает сохранение количества и последовательности обыгрываемых выражений, ассоциативных механизмов переключения ассоциативного кода, выбранных (или создаваемых Б. Вианом) как основы его языковой игры, применение аналогичных проведенным в оригинале трансформаций и передачу ассоциативного потенциала слова в полном объеме (при неизбежных потерях в процессе перевода). Для В. Лапицкого приоритет остается за внешней стороной, оболочкой создаваемого Б. Вианом мира, формируемой окказионализмами и обыгрываемыми фразеологическими выражениями, которую он воспроизводит в неизменном виде.

Данная стратегия позволяет максимально точно сохранить индивидуальную стилистику автора и неповторимый колорит произведения, поскольку весь комплекс семантико-стилистических особенностей с максимально возможной точностью (при неизбежных потерях) перенесен в текст перевода. Соответственно, при восприятии и интерпретации текста перевода читатель оказывается на минимальной дистанции от автора.

Однако ассоциативно-образная система языка текста оригинала, сохраненная в тексте перевода, значительно отличается от русской, а иногда полностью расходится с ней, в результате специфические национально-культурные ассоциации не возникают, что приводит к возможному непониманию или недооценке фактов языковой игры. В итоге точная передача способа языковой игры Б. Виана часто приводит к ее исчезновению в тексте перевода.

Проведя анализ специфики переводческих стратегий, мы снова возвращаемся к вопросу о критерии оценки качества перевода. Поскольку когнитивной доминантой идиостиля Б. Виана является разрушение стандарта, полнота ее репрезентации определяется степенью отклонения игровых элементов текста перевода от этого стандарта, т.е. языковых норм текста перевода. Иными словами, при определении этой степени читатель руководствуется правилами своего родного литературного языка, на котором представлен вариант перевода оригинального текста.

Поскольку переводческая стратегия, ориентированная на текст-источник (В. Лапицкий), предполагает сохранение всех семантико-стилистических особенностей текста оригинала, которые значительно отличаются от языка принимающей культуры и, соответственно, не осознаются и не воспринимаются большинством русских читателей, определить степень нарушения нормы (отклонения от стандарта) неизвестного языка оказывается для них невозможным. Следовательно, когнитивная доминанта идиостиля писателя наиболее полно вербализуется, репрезентируется в тексте перевода, ориентированном на принимающую культуру (вариант Л. Лунгиной), поскольку в нем языковая игра оригинала воссоздается через замену всех языковых особенностей оригинала средствами русского языка. Таким образом, читатель соотносит механизм создания языковой игры с системой правил и особенностей русского языка, что и позволяет ему оценить степень отклонения от стандарта, а значит, в переводе Л. Лунгиной наиболее полно отражается когнитивная доминанта.

Надо отметить, что концептуальные модели (образованные доминантными смыслами), репрезентирующие когнитивную доминанту идиостиля и раскрывающиеся в смысловом и языковом коде, могут быть довольно точно реконструированы при анализе как текста перевода Л. Лунгиной, так и В. Лапицкого, так как для обоих вариантов будет характерно отклонение от стандарта (но в разной степени!), поскольку речь идет о переводе языковой игры.

Однако в полной мере понять и оценить сознательное разрушение языкового стандарта (как ментальную установку автора) сможет только читатель Л. Лунгиной, так как в переводе В. Лапицкого это разрушение будет ощущаться исключительно как привнесение нового, неизвестного в систему русского языка.

Подобный подход позволяет нам установить определенную зависимость между когнитивной доминантой, кодами текста и переводческими стратегиями и представить алгоритм анализа текста оригинала и перевода.

1. Анализ текста и определение комплекса доминантных смыслов, раскрывающихся в системе кодов художественного текста.
2. Определение когнитивной доминанты и идиостиля автора.
3. Выбор наиболее репрезентативных способов вербализации когнитивной доминанты.
4. Анализ и сопоставление этих способов в разных текстах перевода.
5. Оценка переводческой стратегии с точки зрения полноты репрезентации когнитивной доминанты (в нашем случае - отклонение от стандарта) через призму особенностей и правил языка перевода.

Список литературы

1. **Кузьмина Н. А.** К основаниям реконструкции индивидуальной поэтической картины мира (на материале творчества Юрия Левитанского) // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропол. и филос. очерки. Омск, 2000. Ч. 1.
2. **Лингвосмысловый анализ художественного текста:** материалы VI Регионального научно-практического семинара (25 апр. 2003) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2003.
3. **Рахимкулова Г. Ф.** Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля) [Электронный ресурс]: автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2004. URL: <http://www.philol.rsu.ru/html/nlife/Rahimkulova.htm> (дата обращения: 05.01.2008).
4. **Ребеккини Д.** Умберто Эко на рубеже веков: от теории к практике [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/re26.html> (дата обращения: 12.12.2007).
5. **Чудинов А. П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
6. **Эко У.** Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итал. А. Н. Ковалю. СПб.: Симпозиум, 2006.
7. **Buffard-O'Shea N.** Le Monde de B. Vian et le grotesque litteraire // American university studies. New York, 1993. Series II. Romance languages and literature.

УДК 82.03

Марина Ивановна Логачева, Татьяна Геннадьевна Синяева

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ[©]

Проблема сочетаемости слов и классов слов является одной из важнейших проблем языкознания, так как вопросы отраслевой лингвистики требуют постоянного внимания исследователей к прикладной лингвистике.

Данная работа представляет собой попытку сравнения функционирования некоторых эквивалентных глаголов и прилагательных в четырех подъязыках: авторской и диалогической речи, газетной и технической информации. Под эквивалентностью глагола мы понимаем способность глагола употребляться с прилагательными без определяемого им существительного. А под эквивалентностью глагола мы понимаем его способность бессубстантивно употребляться с глаголом.

Н. Д. Андреев говорит, что подъязык есть «набор языковых элементов» и их отношений в текстах с однородной тематикой». Исходя из вышеуказанного определения, мы можем говорить о взаимодействии лексических средств и жизненной ситуации - подъязыка. Это взаимодействие проявляется, прежде всего, в том, что определенная ситуация так или иначе подсказывает выбор лексических средств, которые наилучшим образом могут передавать необходимую информацию. Это можно проследить по текстам теоретической и прикладной физики. Такие тексты требуют большой точности. Это также можно проанализировать на примере текстов газетной информации, требующим определенной однозначности семантики лексических средств.

Таким образом, взаимодействие между лексическими средствами и подъязыком обоюдное: определенному языку соответствуют определенные лексические средства.

Анализ сочетаемости исследуемых прилагательных и глаголов был продиктован следующим соображением: во-первых, если подъязыки характеризуются своими наборами лексических средств, то имеется возможность выделения лексических единиц, индифферентных к подъязыкам, то есть, общеязыковых инвариантов и, во-вторых, проследить взаимодействие системы и экстралингвистического влияния, то есть, рассмотреть функционирование отобранных прилагательных и глаголов в четырех подъязыках.